

С.М. МАРКЕДОНОВ

Автономное общество в России: первый исторический опыт ("Вольное" казачество против Московского государства в XVI–XVII вв.)

История социально-политических взаимоотношений казачества и Российского государства в XVI–XVII вв. описана хорошо, но несколько односторонне. Проблема противоборства и взаимодействия российских государственных институтов и казачества как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке рассматривается исключительно в рамках "государственного" дискурса. Причем все сводится либо к констатации прогрессивного характера государственной политики Московского государства по отношению к анархичному и архаичному казачеству, либо к постановке весьма дискуссионного вопроса: "Была ли у казаков своя государственность?", либо к рассмотрению казачества как коллективного носителя идеалов русской свободы, противостоявшего московской деспотии. Таким образом, конфликты и политические контакты казаков и государства в XVI–XVII вв. изучались и продолжают изучаться как одна из тем масштабной историографической и политологической проблемы – взаимоотношений центральной власти и регионов в России. Вместе с тем история отношений Москвы и Дона (и в меньшей степени сообществ "вольных казаков" на Волге, Тереке и Яике) никогда специально не анализировалась в контексте другой не менее острой и масштабной проблемы – взаимоотношений *государства и общества*. В данной статье сделана попытка рассмотреть возможность анализа политических отношений казачества и государства в XVI–XVII вв. с новой точки зрения.

Историография проблемы

Хотя комплексный анализ историографии не является главной исследовательской задачей статьи, без рассмотрения основных историографических концепций актуальность обращения к проблеме взаимоотношений казачества и государства в XVI–XVII вв. (равно как и степень новизны моей работы) будет не очевидна. Процесс становления российской государственности исследовали крупнейшие российские историки XIX – начала XX вв. С. Соловьев, В. Ключевский, С. Платонов. Казачество интересовало их в первую очередь как исторический конкурент политических и управленческих институтов России, как вызов антигосударственных "воровских" сил московскому (в меньшей степени петербургскому) Левиафану [Соловьев, 1959; Ключевский, 1937; Платонов, 1899]. Отсюда и взгляд Соловьева на казачество позднего средневековья как на силу, которая для России "иногда была опаснее самих кочевых орд". Государство представлялось ему носителем цивилизаторского начала, а казаки – противниками прогресса: «Против призыва Петра к великому и тяжелому труду, чтоб

посредством него войти в европейскую жизнь, овладеть европейской наукой, цивилизацией, поднять родную страну... против этого раздался призыв Булавина: "Кто хочет погулять, сладко попить да поесть, – приезжайте к нам"» [Соловьев, 1984, с. 113–114; 1989]. Залог благополучного развития российской государственности виделся ему в укращении степной стихии.

От односторонних подходов оказались несвободны и донские историки дореволюционного периода, в центре внимания которых была местная, а не общероссийская история. Вести дискуссию на равных с лучшими столичными историками, чьи исследования отличали критические оценки в отношении "степных рыцарей" эпохи позднего средневековья, донские исследователи в силу очевидных причин не могли. Ответом на "негативизм" Соловьева и Ключевского стали труды, "реабилитировавшие" казачество за участие в антигосударственных движениях XVII–XVIII вв. Концепция государственной школы в итоге подверглась инверсии. В. Пудавов делал вывод о казаках как о "людях царелюбивых и мужественных", а М. Сенюткин собрал значительный фактический материал, доказывающий абсолютную лояльность Войска Донского монархии в период пугачевского выступления. Целый ряд донских авторов пытался нарисовать исторические портреты казаков – защитников "веры и Отечества" даже в эпоху Смутного времени начала XVII в. [Пудавов, 1890; Сенюткин, 1866; Бояринов, 1912; Елкин, 1913].

Рассмотреть историю взаимоотношений казаков и государства с иной, отличающейся от "промосковской", точки зрения пытались представители русского "областничества", прежде всего Н. Костомаров. По его мнению, появление казачества на южных рубежах Московского государства было связано с тем, что в период "сбирания земель" вокруг Москвы, "Русь охолопилась до мозга костей", погрузилась в "варварство азиатское". Победа Москвы не казалась Костомарову (в отличие от исследователей государственной школы) торжеством исторического прогресса. Казачество, по его мнению, продолжало иную, альтернативную московской политическую традицию нашего Отечества – "удельно-вечевую". Правда, казацкая демократия была явлением "запоздалым", она лишь воспроизводила в новых исторических условиях старорусские вечевые традиции, не пролагая "нового пути" для русского народа [Костомаров, 1995, с. 545, 569; 1994, с. 354].

Многофакторному изучению истории отношений государства и донского казачества не способствовали и чрезмерно политизированные исследования историков-эмигрантов, сторонников независимости казацких земель. Они рассматривали казачество как оплот особой государственности восточной Европы, в корне отличной от российской [Быкадоров, 1930, с. 63], и доказывали "невозможность происхождения свободных, вольных казаков, степных рыцарей, природных конников... от беглых русских крестьян-рабов" [Балинов, 1931, с. 12]. Вместе с тем историки-самостийники, видя в казачестве своеобразный щит России, не единожды спасавший ее от внешних вторжений, впадали в логическое противоречие. Зачем свободному, независимому и демократическому государству отстаивать интересы государства абсолютно чуждого и враждебного? Без ответа оставался и вопрос: а существовала ли реальная альтернатива подчинению вольного казацкого сообщества деспотической власти российских государей?

Идеологическая заданность отличала и исследования советских историков, в центре внимания которых оказались такие вопросы, как участие казаков в крестьянских войнах XVII–XVIII вв. В отличие от историков-самостийников советские ученые рассматривали противоборство казаков и государства в контексте классовой борьбы и истории социальных противоречий внутри самого казачества [Мавродин, 1967, с. 53–82; 1966, с. 292–327; Пронштейн, 1972, с. 23–37].

В историографии политических отношений казачества Дона и Российского государства можно особо выделить труды историка-эмигранта профессора С. Сватикова (1880–1942). Ему принадлежит заслуга создания первого обобщающего труда по истории донского казачества. Он исследовал историю казаков не с военной, а с социально-

политической и правовой точек зрения, проанализировал общее и особенное в развитии двух ветвей российского казачества – "вольного" и служилого, дал единственную на сегодняшний день периодизацию истории казаков от XVI в. до советского времени ([Сватиков, 1923; 1924]; см. также [Маркедонов, 1999^а]). Сватиков первым разработал такие проблемы, как история политических институтов казачества, связи российского общественного движения и казаков, деятельность последних в дореволюционной Государственной думе. Ему удалось совершить поворот от так называемой "внешней истории" казаков к их "внутренней" или "культурной истории", изучить состав общества "степных рыцарей", их управление, судопроизводство, религиозные отношения. По мнению историка, российское казачество в XVI–XVII вв. было "вольной общиной", "республиканской колонией", чьи политические институты (по организации, целям, политическим задачам) были альтернативой институтам Московского государства. Однако Сватиков, как и его оппоненты-историки государственной школы, не вышел за рамки "государственного подхода". В отличие от Соловьева и Ключевского он лишь рассматривал казачий "государственный проект" как прогрессивное общественно-политическое явление. В этой связи весьма показательна полемика Сватикова с А. Кизеветтером [Сватиков, 1924; Кизеветтер, 1925, с. 492], который сомневался в существовании казачьего государства в XVI–XVII вв. Но ни тот, ни другой не анализировали конфликт "вольных" казаков и Российского государства в контексте взаимоотношений государства и общества.

После 1991 г., когда стало возможным рассматривать историю взаимоотношений казачества и государства вне жестких детерминистских схем, появилось немало серьезных работ по истории казачества. На мой взгляд, наибольшей теоретико-методологической солидностью и источниковедческой репрезентативностью отличаются монографии ростовского ученого Н. Мининкова. Он пытается обосновать применимость к социально-политическим отношениям донского казачества и Московского государства в XVII в. (до принесения в 1671 г. Донским Войском присяги на верность службы московским государям) конструкции "вассалитет-сюзеренитет". Это позволяет говорить о новом этапе в историографии казачества. Вместе с тем автор, как и его предшественники, остается в рамках "государственного дискурса" [Мининков, 1992; 1998].

Для зарубежной историографии, как и для российской, характерно рассмотрение казаков XVI–XVII вв. либо как носителей социально-политических идеалов, альтернативных Московскому государству, либо как организаторов "великих потрясений". В некоторых случаях два эти образа предстают в качестве "нераздельных и неслиянных" ипостасей одного исторического феномена. «Казачьи войсковые объединения, у которых в XVII веке, по меньшей мере, на Дону, наблюдаются тенденции государственного строительства и этногенеза, – считает австрийский исследователь А. Каппелер, – создали военную демократию, которая фундаментально отличалась от ранненововременной московской автократии... Идеал свободного казачества играл важную роль в призывах восставших (в период "Смуты" и "разинщины") к зависимому русскому населению, которое сразу переводилось в контролируемых восставшими областях в категорию казаков. Таким образом, военно-демократическая организация казаков в раннее Новое время представляла альтернативу крепостничеству и самодержавию» [Каппелер, 2003, с. 51–52]. По мнению же Э. Хосбаума донские "вольные" казаки были инициаторами больших и малых "смут", а потому их целесообразно идентифицировать как "социальных бандитов" [Hosbawm, 1974, p. 142–157].

Итак, можно констатировать, что проблема социально-политических отношений казаков и Российского государства в XVI–XVII вв. рассматривалась исключительно в контексте "государственного" подхода. При этом отношение к политике Московской Руси, ее институтам, казачьему "государственному проекту" могло носить как подчеркнуто негативный, так и позитивный характер. Но суть дела от этого не менялась. История отношений казаков и государства не анализировалась как частное проявление сложного и противоречивого процесса взаимоотношений государства и общества в России. В данной статье предлагается рассматривать взаимоотношения

казаков и российской верховной власти именно в контексте исторической коллизии "государство против зародышей свободного общества". Хронологические рамки этой работы ограничены периодом существования "вольного" казачества, независимого от юрисдикции и сословной иерархии Московского государства. Крайними рубежами рассматриваемого периода являются формирование казачьих сообществ в "Диком поле" в начале XVI в. и принесение "вольными" казаками присяги на верность службе российским государям (1671). Последнее событие стало началом процесса превращения "вольного казачества" в военно-служилое сословие.

Казаки и интеллигенты против "Русской власти"

В статье "Интеллигенция и революция", вошедшей в сборник "Вехи", П. Струве назвал казачество и интеллигенцию двумя "противогосударственными силами", последовательно сменившими одна другую в противоборстве с российским Левиафаном. Говоря о различиях между казачеством и интеллигенцией в "социальном и бытовом отношении", Струве пришел к выводу об общественно-политическом родстве этих феноменов отечественной истории. Казаки и интеллигенты, по его мнению, были радикальными ниспровергателями государственных устоев. Первые стали инициаторами и "мотором" Смутного времени, разинщины, пугачевщины, вторые были накрепко связаны с народовольческим и эсеровским террором, возникновением большевизма и великими революционными потрясениями 1905 г. [Струве, 1991, с. 136–137]. В разные исторические эпохи казачество и интеллигенция ставили под вопрос само существование Российского государства. В случае с интеллигенцией этот ряд можно продолжить через февраль и октябрь 1917 г. до конца XX столетия. Однако данная тема не вписывается в формат настоящей статьи.

Отмечу, что, несмотря на высокий общеполитический и исторический уровень авторов "Вех" (и прежде всего Струве), их прекрасный литературный стиль, неконъюнктурный характер и полемическую заостренность их публикаций, выводы "веховцев" воспринимались и современниками, и потомками прежде всего как определенная политическая позиция. Тезис Струве о казачестве как своеобразной "протоинтеллигенции" (со всеми возможными оговорками), *предшественнике собственно интеллигенции в деле ниспровержения государства* рассматривался исключительно как добротный сконструированный образ, но не как основа для исторического (историко-политического) анализа. Тем паче – для исследования отношений казаков и государства как частного проявления масштабного исторического конфликта государства и общества в России.

Почти век спустя после Струве к проблеме поиска исторических "конкурентов" российского Левиафана обратились историки Ю. Пивоваров и А. Фурсов. В своем фундаментальном труде "Русская Система и реформы" они исследовали феномен "Русской власти" как "системообразующего элемента русской политической культуры", "единственного субъекта русской истории, ее субстанции" [Пивоваров, Фурсов, 1999, с. 184]. По их мнению, власть приобрела самодовлеющий характер "после и в результате похищения субъектной энергии у всех остальных ее носителей. Прежде всего, ее была лишена часть народа". Наряду с "Русской властью", в отечественной истории действовали два не менее важных актора. Пивоваров и Фурсов определяют в качестве таковых "Популяцию" (народ, население) и "Лишнего человека". На последнем определении остановлюсь подробнее. "Лишний человек" в русской истории выступал как в индивидуальном качестве (дворяне, интеллигенция XIX – начала XX в.), так и в коллективном (казачество эпохи позднего средневековья). "Лишний человек" как социально-политический тип – это «те индивиды или группы, которые не "перемолоты" Властью и потому не стали ее органом, ни частью Популяции (того "народа", который "безмолвствует". – С.М.). Или же это люди, "выломившиеся" из Популяции и Власти». По мнению исследователей, "лишний человек" – это свидетельство "меры незавершенности системы, индикатор степени неперемолотости русской жизни

Русской Системой и Властью" [Пивоваров, Фурсов, 1999, с. 184–185; Пивоваров, 2002, с. 37].

На мой взгляд, определение казачества XVI–XVII вв. как социального (социально-политического) коллектива "лишних людей" (в данном случае к определению "лишний" негативные коннотации неприменимы) более корректно, так как является более нейтральной конструкцией в отличие от оценочной дефиниции Струве ("противогосударственная сила"). Однако ни Струве, ни Пивоваров и Фурсов, максимально приблизившиеся к постановке вопроса о конфликте казачества и государства как частного проявления исторического соперничества общества и государства, не рискнули определить российское "вольное казачество" как первое "издание" свободного общества в отечественной истории. Общества, понимаемого как сфера, автономная от государственного вмешательства и контроля¹. Как сфера, не "перемолотая" российским Левиафаном. И дело здесь не в отсутствии исследовательской смелости, а в научной, историософской и общественно-политической традиции.

В отечественной историографии и общественно-политической мысли укоренилась традиция рассматривать государство в качестве главного актора российского исторического процесса. Характерно, что признанными лидерами и "законодателями мод" в нашей исторической науке и политической философии были историки и мыслители, исследовавшие процессы формирования государственной организации России, в которой отсутствовали формально-юридические ограничения власти, но наличествовала мощная, укорененная авторитарная культура. Не зря труды С. Соловьева и В. Ключевского, Б. Чичерина и К. Кавелина, Г. Федотова и Н. Бердяева традиционно имеют высокий индекс цитирования.

Согласимся с тезисом, что государство в России – это "наше все". Тем более, что многочисленные факты русской истории свидетельствуют в его пользу. Государство выступало создателем не только собственно властных институтов (армия, полиция, суд, сбор налогов), но и всей социально-экономической системы. Именно государство создало в России сословия, прикрепленные к "государеву тяглу". Оно породило систему крепостничества, которая была в 1649–1861 гг. не только экономическим "способом производства", но средством социальной, политической, военной мобилизации. Именно государство в интересах оптимизации налоговых сборов поддерживало столь любимую славянофилами "традиционную" русскую общину. И дворянство, и буржуазия, и крестьянство с пролетариатом были производными от деятельности государства, "Русской системы" власти.

Однако бросается в глаза и другое обстоятельство. Самодостаточный и самоценный русский Левиафан (если следовать определению французского юриста XVI в. Ж. Бодэна, "сеньориальная монархия", в которой личность подданного, равно как и его собственность, находятся в полном распоряжении сюзерена) в некоторые периоды истории вдруг оказывался не в состоянии противодействовать внутренним вызовам общества. Власть, способная перебороть золотоордынское иго и его преемников (Казанское, Астраханское, Крымское ханства), грозную Речь Посполитую, одолеть нашествие "двунадесятые языков" и приблизиться к достижению заветной (и почти мистической) цели – обладанию черноморскими проливами, вдруг под напором внутренних сил исчезала как-то буднично и покорно. Так было в период Смутного времени в XVII в., в феврале 1917 г. и в декабре 1991 г. (два последних события находятся за пределами нашей работы). "Вопрос ребром" для "Русской власти" ставили разинщина и пугачевщина. И все события, обозначенные выше, напрямую связаны с деятельностью двух сменявших друг друга "противогосударственных сил" (по терминологии Струве) – казачества и интеллигенции.

¹ В данном случае можно было бы говорить о гражданском обществе, если бы речь не шла о сообществе людей, сделавших войну своей профессией. – *Прим. ред.*

Этот "секрет" оказывается легко раскрываемым, если мы откажемся от *презумпции моносубъектности* российского исторического процесса и признаем право на "историческую игру" для второго, не менее важного его действующего лица – формирующегося российского общества, "авангардом" которого, сменяя друг друга, выступали "лишние люди" – "вольные" казаки и интеллигенты. И если историки и публицисты, философы и политологи (западники и почвенники, представители "государственной школы" и марксисты) сходятся на том, что российская власть представляет собой особый феномен, который с трудом соотносится с западноевропейскими аналогами, то *воплне логичным представляется подобное заключение относительно российского общества.*

Российское общество родилось позже "Русской власти". При "сеньориальной" организации власти для общества, строго говоря, места не находится. Автономия отдельных групп не приветствуется, поскольку противоречит управленческим целям и задачам. "Военное дело не только стояло тогда на первом плане, занимало первое место между всеми частями государственного управления, но и покрывало собою последнее" [Ключевский, 1991, с. 63]. В этом контексте понятия "государство" и "армия" являются практически тождественными. По мнению П. Милюкова, "русская государственная организация сложилась раньше, чем мог ее создать процесс... внутреннего развития сам по себе. Она была вызвана к жизни внешними потребностями, насущными и неотложными: потребностями самозащиты и самосохранения" [Милюков, 1898, с. 117]. Государственная организация строилась по аналогии с военной. В ней существовала жесточайшая дисциплина и иерархия. Страна превращалась в один военный лагерь. Мобилизация всех сил не оставляла шанса на нормальное общественное (без опеки со стороны Левиафана) развитие. У государства, построенного по армейскому принципу, появился идеал, удачно выраженный дьяком И. Тимофеевым: "Были бы безмолвны, как рабы" [Временник... 1951, с. 109]. Государь в подобной системе, по мнению Ивана Грозного, должен действовать в соответствии с принципом: "Жаловать есмя своих холопов вольны, а и казнить вольны же" [Переписка... 1979, с. 26].

Государство-армия монополизировало право на креативность. Только оно могло определять, какой аппарат ему нужен, какие реформы необходимы, а какие нет. У российского Левиафана не было потребности в общественном одобрении, и он не нуждался в инициативах снизу. В государстве-армии диссидентов не могло быть по определению. Те, кто по той или иной причине оказывался не готов нести "государево тягло", имел небольшой выбор – дыба или поиск новой родины. Как верно отметил Костомаров, «издавна в характере русского народа образовалось такое качество, что если русский человек был недоволен средою, в которой он жил, то не собирал своих сил для противодействия (что было и невозможно, так как в силу отсутствия сколько-нибудь значимых общественных институтов "противодействие" носило бы характер борьбы одиночки с деспотической властью. – С.М.), а бежал, искал себя нового отечества» [Костомаров, 1993, с. 545].

Такими "отечествами" становились казачьи сообщества на Дону, Волге, Яике и Тереке и "разбойные ватаги" в центральных частях Московии. В этой связи принципиальный вывод Струве о казачестве как своеобразной "протоинтеллигенции" следует признать весьма продуктивным. *Казачество стало первой попыткой общественной самоорганизации, автономной от "Русской власти".* Организации, инициированной "снизу" и во многих случаях вопреки интересам власти. "Вольноказачьи" общины как первое "издание" независимого от государства российского общества строились на принципах, невозможных в рамках "Русской Системы".

"На Дону уже издревле (еще при существовании великого княжества Рязанского) выходцы из государства, большей частью недовольные новым государственным строем, основывали свободные козацкие общины, ведя борьбу с татарами на свой собственный страх и риск и, наконец в низовьях Дона сплотились в одну большую землю..." [Владимирский-Буданов, 1900, с. 123]. Причиной для массовых "уходов" населения на южные рубежи стало созидание "железом и кровью" российского централизованного

государства. По словам Федотова, процесс "собираания уделов" совершался "восточными методами, не похожими на одновременный процесс ликвидации западного феодализма. Снимался весь верхний слой населения и уводился в Москву, все местные особенности и традиции с таким успехом стирались, что в памяти народной уже не сохранилось героических легенд прошлого... Русь становилась сплошной Москвией..." [Федотов, 1992, с. 282]. В рамках "нового государственного порядка" утвердились две формы социального бытия. "В старинной Руси мирские люди по отношению к государству делились на служилых и не служилых. Первые обязаны были государству службою воинскою или гражданскою (приказною), вторые – платежом налогов и отправлением повинностей. Обязанности этого рода назывались тяглом" [Костомаров, 1993, с. 542]. И если служилые люди были прикреплены к государственной службе, то тяглые – к "государевым слугам". Для тех же, кто не принимал подобную иерархию и пытался заняться общественной самодеятельностью, оставался один путь – бегство ("уход") либо в личном качестве в зарубежные страны (полководец Андрей Курбский, подьячий Григорий Котошихин), либо коллективно в "Дикое поле", "в молодечество".

"Вольное" казачье общество: состав и статус

В течение длительного времени в отечественной историографии культивировалось мнение о том, что первооснову донского казачества составили бежавшие от крепостничества крестьяне и холопы. Оно базировалось на классовом подходе и признании государства орудием классового господства. Однако в завершающий период "собираания земель" первый удар пришелся не на крестьянство, а на местные политические элиты. Первым делом к службе были прикреплены "дети боярские" и "служилые по прибору" и лишь затем крестьяне (окончательно в 1649 г.). "Новый государственный порядок" Московской Руси предполагал обязательность службы, уход с которой однозначно трактовался как измена. Поэтому недовольными новым государственным строем оказались поначалу не только и не столько низшие сословия Российского государства (хотя и их было бы неверно сбрасывать со счетов). Ключевский писал: «В десятиях степных уездов XVI века встречаем заметки о том или другом захудалом сыне боярском: "Сбрел в степь, сшел в казаки"» [Ключевский, 1988, с. 99]. В десятиях Рязска и Епифани в конце XVI в. есть сведения о том, что многие дети боярские "сошли на Дон безвестно" или "сошли в вольные казаки с Василием Биркиным" "боярским сыном" [Платонов, 1899, с. 101]. Среди казаков встречаем людей с дворянскими фамилиями – Извольский, Воейков, Трубецкой. По словам Мининкова, "судя по источникам, многие донские атаманы второй половины XV века были русскими помещиками. Дворянами по происхождению были известные донские атаманы конца XVI века: Иван Кишкин, у которого поместье было под городом Михайловым вблизи Рязани... Некоторые атаманы XVII века также были по происхождению русскими дворянами, как, например, атаман Смутного времени Иван Смага Чертенский" [Мининков, 1996, с. 170–171]².

Общественная организация на территории "Дикого поля" не была простым воспроизведением строя центральных земель Руси, она создавалась на основе новых, бессословных (надсословных) принципов. Инкорпорирование в элиту "вольных" казаков (атаманы, есаулы, подьячие) происходило не в соответствии с местом в "родословце" и принципом знатности, а по военным и политическим заслугам. Рядом с казаками дворянского происхождения видное положение занимали бывший путивльский служилый казак Михаил Черкашенин и люди совсем не с дворянскими фамилиями – Иван Нос, Василий Жегулин. Известный впоследствии атаманский род Ефремовых вел свое начало от торговых людей, другой атаманский род – Красновых – был в родстве с камышинскими крестьянами.

² Об этническом и социальном составе казачества Дона в XVI–XVII вв. подробнее см. [Мининков, 1998].

"Новое отечество" в "Диком поле" находили и религиозные диссиденты – старообрядцы, спасавшиеся от наступления "никонианства". В 1667 г. на Дон прибыли монахи Корнилий и Досифей. В отличие от Московской Руси, где выход из православия приравнивался к уголовному преступлению, на Дону мирно соседствовали люди разных религиозных убеждений. С XVII в. известна группа "донских татар" (по этническому происхождению главным образом из ногайцев), которые, будучи казаками, сохраняли мусульманскую веру. В 1650–60-х гг. на берега Дона прикочевали из Приволжских степей калмыки. Казаки быстро поняли, что "учение ламаитов чуждо проповеди вражды и ненависти к последователям других религий..." [Номикосов, 1884, с. 281]. Это позволило калмыкам достаточно быстро, хотя и не без конфликтов и столкновений, вписаться в казачий социум. По словам голландца И. Масса, донцы – "люди различных племен из земли московской, татарской, турецкой, польской, литовской, корельской и немецкой". Таким образом, еще одна черта, отличавшая общественную организацию "вольных казаков", – этническая и религиозная терпимость [Сказание... 1874, с. 107].

Для политической культуры Московского государства ("Русской системы") существование автономных единиц вне державной длани государя было неприемлемо. Появление же первых казачьих общин происходило без санкции верховной государственной власти. Поэтому еще в 1502 г. князь Иван III требовал от рязанского княгини Аграфены, чтобы она "велела казнити" тех, кто "пойдет самодурью на Дон, в молодечество" [Мининков, 1996, с. 100]. В 1538 г. послы великого князя Московского, ведя переговоры с ногайским Кельмагмед-мурзой, высказывали следующий тезис: "На поле ходят казаки, многие казанцы, крымцы, и иные баловни казаки, а и наших украин казаки с ними смешавшись, ходят. И те люди, как нам, так и вам, тати и разбойники... сделав какое лихо, разъезжаются по своим землям" [Скрынников, 1982, с. 64]. Тональность данной дипломатической формулировки весьма характерна и устойчива. В 1549 г. в ответ на жалобы ногайского хана Юсуфа по поводу действий донских казаков Иван IV заявлял: "Те разбойники живут на Дону без нашего ведома, а от нас бегают" [Сухоруков, 1988, с. 153]. При подготовке московского посольства к османскому султану Селиму II русскому дипломату И. Новосильцеву была дана инструкция называть зачинщиками междоусобного конфликта казаков, говорить, что "мол, лихие люди меж нас с тобой ссору чинили" [Путешествия... 1954].

Даже такая масштабная и стратегически выгодная для России внешнеполитическая акция донских казаков, как захват турецкого Азова, была негативно воспринята в Москве, поскольку не получила санкции верховной власти. По словам А. Новосельского, "первые впечатления от неожиданного успеха казачьего предприятия у московского правительства отнюдь не были радостными..." [Новосельский, 1948, с. 257]. Сам государь Михаил Федорович писал: "А Азов взяли есте без нашего царского повеленья, а атаманов добрых к нам не прислали, кого подлинно спросить, как тому вперед быти" [Донские... 1898, с. 567–572]. Таким образом, существование Донского "вольного" войска не признавалось легитимным московской политической элитой. Однако казачество фактически было бесплатной военной силой для Московского государства, форпостом против османско-татарской экспансии. Отсюда обреченность на военно-политическое сотрудничество "Русской Системы" с этим "неперемолотым" ею анклавом, первый позитивный опыт взаимодействия общества и государства в России.

В культуре казачества также существовал стереотип отношения к царской власти, сильно отличавшийся от нормативного для России. Свою службу "вольное" казачье общество не мыслило без постоянного артикулирования своей "особости" и неинкорпорированности в состав Московского государства. В одной из повестей "Азовского цикла" сами казаки, рассчитывая, между прочим, и на таких "читателей", как участники Земского собора в Москве, писали: "...И мы про то сами ведаем, какие мы на Руси в государстве Московском люди дорогие... А нас на Руси не почитают и за пса смердящего... Отбегаем мы из того государства Московского, ис холопства невольного..." [Воинские... 1949, с. 68]. Свои же "службы" российским госу-

дарям казаки рассматривали как добровольные акции и не считали себя связанными "крестным целованием" и иными обязательствами. В отписке от 26 мая 1632 г. царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу "об освобождении казаков от крестного целования на верность службы в уважение к тому, что и без того они всегда служили и служат верно" донцы сообщали: "И крестного целованья, государи, как и зачался Дон казачьи головами, не повелось" [Отписка... 1915, с. 161–166]³.

Этот стереотип был известен и отчасти признан в Москве. В документах XVI–XVII вв. особый статус казачьих окраин определялся так: "...то казак вольной, живет в поле, а государево жалованье им идет временем, как их ко государю служба будет, а не по вся годы" [Белокуров, 1889, с. 210]. О собственной "воле" как источнике службы казаков сообщал и подьячий Посольского приказа Котошихин: "А как они (казаки. – С.М.) к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям, а ежели б им воли своей не было, и они б... служить и послушны быть не учили" [Котошихин, 1906, с. 135].

Во время военных действий в составе московских ратей казаки не считали себя связанными какой-либо субординацией и были готовы покинуть русское войско в случае невыполнения московскими военачальниками заранее определенных условий взаимодействия с ними. Во время Ливонской войны в 1579 г. казаки ушли из расположения русской армии под крепостью Соколы, в 1633 г. оставили позиции во время осады русскими занятого поляками Смоленска, в 1655 г. вновь самовольно оставили боевые действия во время "польской войны" и т.д.⁴ Именно казачьи вольности были причиной того, что даже при весьма благоприятных для казаков условиях на последнем этапе Смутного времени (после избрания царем Михаила Романова) лишь часть их перешла в разряд служилых московских людей. Таким образом, война и участие в боевых действиях воспринимались "вольными казаками" иначе, чем московскими служилыми людьми. Для донцов это было делом собственной воли, долга и чести (или бесчестия), а не холопской повинностью или тяглом.

В XVI–XVII вв. Донская земля не была провинцией Московской Руси. Созданное "вольными казаками" Войско Донское обладало демократическим внутренним устройством, имело собственные органы власти (круг, выборные атаманы), проводило самостоятельную внешнюю политику (неоднократно совершало морские походы против Османской империи и Крымского ханства даже в те моменты, когда Москва рассматривала их как союзников в борьбе с Речью Посполитой). Московское государство строило контакты с донскими казаками как с иностранными гражданами, через Посольский приказ. Таким образом, одной из форм *диалога между обществом и государством (помимо военно-политических альянсов) становилось дипломатическое общение.*

Причины интеграции казаков в Московское государство

По отношению к донским казакам Москва проводила политику "кнута и пряника". С одной стороны, государство стремилось минимизировать самостоятельные, несанкционированные им внешнеполитические акции донцов. Отсюда и периодические "опалы", накладываемые на казачество. В 1590-е гг., в 1630 г., в середине 1660-х гг.

³ Данный документ представляет собой своего рода хронику казачьих военных походов в составе русских войск (взятие Казани, участие в Ливонской и Русско-шведской войнах). Авторы отписки, обращаясь к военной истории казачества, пытались доказать свое законное право служить "без крестного целования".

⁴ Обычай рассматривать свою службу как союзническую по отношению к государству надолго сохранился у казаков. Показательным в этом плане выглядит казус, описанный Д. Давыдовым. В ходе Отечественной войны 1812 г. казачий генерал И. Краснов был в подчинении у армейского генерала И. Шевича. Донской атаман М. Платов, расценив данное решение как несправедливое, подал записку генералу А. Ермолову, который в свою очередь ответил: "...я вместе с тем вынужден заключить из слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его" [Давыдов, 1962, с. 535].

Москва блокировала Дон. С другой стороны, несмотря ни на что Москва не спешила покончить с "вольным Войском", так как была заинтересована в казачестве как в мощной военной силе. На всем протяжении истории государство рассматривало казаков Дона с двух сторон – как военную силу (полезное, консервативное начало) и как силу, стремящуюся к политической независимости (с точки зрения Москвы начало "бунтарское").

Что же притягивало самих казаков к Московскому государству, чьим внутренним строем они были недовольны и чьи внешнеполитические цели далеко не всегда разделяли? Перманентная степная война с татарскими и другими кочевыми ордами, противостояние мощной Османской империи вызывали у казаков (в особенности у их политической элиты) неутолимую жажду политической стабильности. Покровительство Москвы стало со временем рассматриваться частью казачества как меньшее зло по сравнению с постоянными военными конфликтами. Однобокое экономическое развитие Дона (землепашество у казаков не допускалось), зависимость благосостояния края от успеха очередного "похода за зипунами" также диктовали потребности во внешней помощи. Таким образом, друзья-враги, казачество и государство были обречены на тесное сотрудничество, прерывавшееся в Смутное время и в период восстания Степана Разина.

Не следует сбрасывать со счетов географический и геополитический фактор. "Вольные казаки", в отличие от трапперов американского "Дикого Запада", не были отделены от своей метрополии океаном, а напротив, находились между двух "сеньориальных монархий" – Оттоманской Порты и Московского государства. Будучи не в силах противостоять одновременно двум крупнейшим империям мира, донское казачество в 1671 г. сделало свой выбор, дав присягу на верность службы российским государям, предпочтя ценность политической стабильности ценности свободы. Так начался процесс инкорпорирования "вольного" казачества в структуры российского государства.

Присягнув на верность Москве и потеряв право внешних сношений, казаки Дона, однако, до эпохи Петра Великого сохраняли больше прав, чем малороссыяне. В то время как на Украине размещались русские гарнизоны, на Дону в союзе с казаками действовали отдельные воинские контингенты [Источники... 1858, с. 308–309; Акты... 1981, с. 132–133]. До самых Азовских походов Петра Великого (1695–1696) казаки противились строительству на их территориях русских крепостей и не желали в них "сидеть". Государевы ратники жаловались на то, что донцы их "бьют и грабят и дров сечь под (казачьими. – С.М.) городками не дают..." [Крестьянская... 1976, с. 349, 352]. Однако процесс "перемалывания" доселе "несистемного" общества "Русской Системой" приобрел к концу XVII столетия необратимый характер. Первый акт исторического противоборства между обществом и государством в России закончился победой последнего. Автономное общественное образование пошло по пути превращения в привилегированное служилое сословие.

* * *

Итак, несмотря на детерминирующую роль государства и его институтов в российской истории очевидно, что "Русская власть" не была историческим "моносубъектом". Вторым историческим актором выступало автономное общество, чьи институты (как и государственные) существенно отличались от европейских аналогов. "Вольное казачество" в XVI–XVII вв. было первым "изданием" свободного российского общества, анклавом, независимым от "тотальной власти" Московского государства и организованным на отличных от "Русской власти" принципах. Бессословность, этническая и конфессиональная терпимость, война как долг, а не холопская обязанность, стали его отличительными чертами. По справедливому мнению Каппелера, общины "вольных казаков" могут рассматриваться как "зародыши политической демократии" [Каппелер, 2003, с. 63]. Однако эти общественно-политические черты не получили

дальнейшего развития. Казачьи сообщества были инкорпорированы в российское государство. При этом казачество как историческое явление, созданная им культурная традиция стали основой для позднейшего конструирования "родословной" российской свободы и проектов ее достижения и отечественными, и европейскими интеллектуалами. Российская интеллигенция ощущала свое глубинное духовное родство с казачеством. Поэтому неслучайно, что многие российские региональные политические "проекты" были в той или иной степени инициированы выходцами с Дона (и с Юга России вообще) [Goehrke, 1978, S. 75–107; Маркедонов, 1999⁶, 93–97].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишним. Т. 1. Новочеркасск, 1981.
- Бояринов С.* Смутное время на Руси и донские казаки (1604–1613). Новочеркасск, 1912.
- Балинов Ш.Н.* Чем было казачество // Вольное казачество – Вильне козацтво. 1931. № 82.
- Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889.
- Быкадоров И.Ф.* История казачества. Ч. 1. Прага, 1930.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1900.
- Воинские повести Древней Руси. М.–Л., 1949.
- Временник Ивана Тимофеева. М.–Л., 1951.
- Давыдов Д.В.* Сочинения. М., 1962.
- Донские дела. Кн. I. СПб., 1898.
- Елкин М.В.* Смутное время на Руси и донские казаки. Новочеркасск, 1913.
- Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским. Ч. 1. М., 1858.
- Каппелер А.* Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab imperio*. 2003. № 1.
- Кизеветтер А.А.* [Рец.] С.Г. Сватиков. Россия и Дон. 1549–1917. Издание донской исторической комиссии. 1924 г. // Современные записки. 1925. № XXIII.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории в 4 ч. Ч. 1. М., 1937.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории в 5 ч. Ч. 3. М., 1988.
- Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
- Костомаров Н.И.* Ермак Тимофеевич // Господство дома св. Владимира. М., 1993.
- Костомаров Н.И.* Кто виноват в Смутном времени? // *Костомаров Н.И.* Земские соборы. М., 1995.
- Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1994.
- Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 3. М., 1976.
- Мавродин В.В.* Советская историография крестьянских войн в России // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. 1. Л., 1967.
- Мавродин В.В.* Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.–Л., 1966.
- Маркедонов С.М.* Казачество в общественно-политических исканиях русской радикальной интеллигенции // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке. Краснодар, 1999⁶.
- Маркедонов С.М.* С.Г. Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов-н/Д., 1999^a.
- Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 4 ч. Ч. 1. СПб., 1898.
- Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-н/Д., 1998.
- Мининков Н.А.* Донское казачество на заре своей истории. Ростов-н/Д., 1992.
- Мининков Н.А.* Донское казачество XVI–XVII вв.: этнический состав и социальное происхождение // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996.
- Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948.
- Номикосов С.Ф.* Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
- Отписка казаков царю от 26 мая 1632 года // Материалы для истории Войска Донского. Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. № 13. Вып. III. Новочеркасск, 1915.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.

- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская Система и реформы // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
- Пивоваров Ю.С.* Русская политическая культура и *political culture* (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3.
- Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899.
- Проништейн А.П.* Донское казачество эпохи феодализма в советской исторической литературе // Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. Ростов-н/Д., 1972.
- Пудавов В.М.* История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890.
- Путешествия русских послов в XVI–XVII вв. М.–Л., 1954.
- Сватиков С.Г.* Донской Войсковой круг (1549–1917) // Донская летопись. Вена–Белград, 1923.
- Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924.
- Сенюткин М.Х.* Донцы. М., 1866.
- Сказание Массы и Гекмана о Смутном времени в России. СПб., 1874.
- Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.
- Соловьев С.М.* Булавин // Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен в 15 книгах. Кн. 1. М., 1959.
- Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
- Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909–1910. М., 1991.
- Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского // Дон. 1988. № 4.
- Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 2. СПб., 1992.
- Goehrke G.* Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 25.
- Hosbawm E.J.* Social Banditry // Rural Protest: Peasant Movements and Social Change. 1974.